

А. С. МЫЛЬНИКОВ

**НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА И ГЕНЕЗИС
НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ***

Национальное самосознание складывается в процессе формирования наций на базе существовавших в предшествующую эпоху народностей. Будучи одним из следствий этого естественноисторического процесса, протекавшего в обстановке разложения феодализма и роста новых общественных отношений, национальное самосознание выступает в ряду других существенных признаков нации и выполняет функцию этнического определителя. До сих пор, однако, генезис национального самосознания с теоретической точки зрения изучен недостаточно, а в конкретно-исторических исследованиях обычно рассматривается ограниченно, преимущественно по материалам духовной жизни так называемых образованных, «верхних» слоев общества. В результате роль народной культуры в генезисе национального самосознания остается невыясненной. Нередко это даже создает ошибочные представления о мнимой инертности, пассивности народных масс в процессах формирования наций, о том, будто бы национальное самосознание порождалось деятельностью идеологов и затем насаждалось в народной среде. Крайняя односторонность и необидительность таких представлений ощущается уже давно. Неслучайно, в последние годы важное место в исследованиях этнографов, историков, фольклористов и представителей ряда смежных специальностей занимают проблемы национального самосознания. В данной статье мы хотим обратить внимание на ряд узловых вопросов, постановка и обсуждение которых способствовали бы лучшему пониманию механизма генезиса национального самосознания и роли в этом процессе народной культуры.

* * *

Сформулированная проблема достаточно сложна. И не только потому, что имеет, как легко убедиться, междисциплинарный характер, требующий, в частности, сочетания наблюдений и выводов этнографических и исторических исследований. Трудности во многом обусловлены ограниченностью надежных и достаточно репрезентативных источников и особенно неразработанностью методики их анализа. Нам уже приходилось, например, отмечать, что зачастую исследователи, особенно историки, просто не видят проявлений национального самосознания в народной среде. Игнорируя различия в образе жизни и социальной психологии отдельных классов и слоев городского и сельского населения эпохи перехода от феодализма к капитализму, они автомати-

* В сокращенном виде опубликовано на английском языке в качестве доклада на X МКАЭН. См. *Mylnikov A. S. National Consciousness and Folk Culture.*— In: *Soviet Studies in Ethnography.* М.: USSR Acad. Sci., 1978, p. 30—41.

чески переносят критерии, обычно применяемые при рассмотрении идеологических программ и общественно-культурного развития образованной части общества того времени, на изучение культуры социальных низов города и деревни¹. Следует также отметить, что вокруг обоих сопрягаемых понятий — народная культура и национальное самосознание — продолжают дискуссии. Это отражается и на общем состоянии понятийно-терминологического аппарата, и на трактовке общества вопросов в работах отдельных авторов². Мы постараемся лишь в самых общих чертах наметить контуры понятий «народная культура» и «национальное самосознание», которыми будем оперировать ниже.

Принимая во внимание соображения, высказывавшиеся в разное время советскими, а также некоторыми зарубежными этнографами и историками, мы рассматриваем народную культуру в классово-антагонистическом обществе как специфический феномен, в предметной и личностно-деятельной формах отражающий и объективирующий быт, духовные запросы и чаяния непривилегированных классов и социальных слоев. Это означает, что народную культуру нельзя сводить только к культуре крестьянской. В работах ряда советских исследователей (как этнографов и историков, так и литературоведов) справедливо обращалось внимание на то, что народная культура создавалась и обогащалась не только сельским, но и городским населением³. М. Г. Рабинович, например, указывал, что «городская культура является неотъемлемой частью традиционной народной культуры, активным элементом ее развития»⁴.

Накопленные наблюдения позволяют заключить, что в создании народной культуры и крестьянская, и городская среда, каждая по-своему, несли определенные, хотя и не тождественные функции. В совокупности возникала целостная система, составные элементы которой нельзя ни противопоставлять друг другу, ни игнорировать один из них в ущерб другому. Нельзя также упускать из вида внутреннюю неоднородность крестьянской и городской культуры, говорить о ее социальной обусловленности абстрактно, в отрыве от развития общества. В народной культуре выражались не только прогрессивные, свободлюбивые устремления масс и их достижения в трудовой и интеллектуальной деятельности, но и предрассудки и суеверия, вызванные низким уровнем образованности, тяжелой жизнью народа в условиях эксплуататорского общества и целенаправленным идейным воздействием со стороны правящих классов. Поэтому нельзя согласиться с трактовкой народной культуры как «оценочного понятия», относя сюда только позитивные элементы⁵. Народная культура требует не идеализации, а кропотливого и критического изучения в каждом конкретном случае всех ее сторон, в том числе ее социальной обусловленности. Как явление, неразрывно связанное с жизнью масс, народная культура на определенных формационно-стадиальных уровнях, в различных социально-экономических и этнокультурных ситуациях могла приобретать и исключительно крестьянский, и смешанный крестьянско-городской, и даже преимущественно городской характер. В период перехода от феодализма к капитализму, по мере роста удельного веса и общественной роли

¹ Об этом см. Мыльников А. С. Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. М.: Наука, 1977, с. 20—22.

² Важные вопросы функционирования народной культуры и национального самосознания в условиях социалистического общества выходят за рамки настоящей статьи и требуют самостоятельного рассмотрения. См. Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977.

³ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1965.

⁴ Рабинович М. Г. Город и традиционная народная культура.— Сов. этнография, 1980, № 4, с. 23.

⁵ Чичеров В. И. Вопросы теории и истории народного творчества. М.: Сов. писатель, 1959, с. 51.

пролетариата увеличивается и его влияние на социальное содержание народной культуры⁶.

Что касается национального самосознания, то, начиная с трудов П. И. Кушнера, увидевших свет в 1949 и 1951 гг., интерес к разработке этой проблемы все более возрастает⁷. Ю. В. Бромлей, отметив, что этническое самосознание выступает «в качестве неперемennого условия функционирования этноса», обратил особое внимание на необходимость рассмотрения «структуры, внутреннего механизма и объективных оснований этнического самосознания»⁸. Он справедливо указал, что национальное самосознание не сводится лишь к осознанию этнической принадлежности, а включает и другие виды осознания человеком «своих действий, чувств, мыслей, мотивов и т. д.», внешне реализуясь через соответствующий этноним. «Понятие „этническое“, — по выражению Ю. В. Бромлея, — является однопорядковым понятию „национальное“, однако не тождественным ему. Этническое — это как бы одна из сторон национального, другую сторону которого представляют социально-экономические факторы»⁹. Таким образом, понятия «этническое» и «национальное» самосознание однопорядковы, но не тождественны, так как нации представляют собой не только этнические, но в первую очередь этносоциальные общности.

Этническое самосознание обозначает осознание принадлежности к определенному этносу, национальное — осознание принадлежности к определенной нации. Иначе говоря, национальное самосознание имеет этносоциальный характер. Осознавая свою принадлежность к той или иной нации, индивид вкладывает сюда не только этническое, но и социальное содержание, в том числе — на уровне обыденных представлений — некоторые оценочные моменты, стереотипы суждений о своем народе и о других народах. Это, между прочим, и порождает отмечаемые в этнографической литературе явления «двойного самосознания»¹⁰. Представление о бинарности национального самосознания помогает полнее раскрыть его специфику и своеобразие, особенно на стадии формирования наций, когда многие компоненты процесса еще не устоялись. Здесь проходит соединительная линия между национальным самосознанием и социальной психологией, между национальным самосознанием и народной культурой.

* * *

Характер, динамика и формы генезиса национального самосознания, протекавшего в эпоху перехода от феодализма к капитализму (и, следовательно, не синхронно в разных странах), несли на себе черты как всеобщего, так и особенного. Последнее во многом зависело от социально-экономической, политической и этнической ситуации, существовавшей у тех или иных народов на начальных этапах формирования нации. Эти факторы, разумеется, нельзя не принимать во внимание при рассмотрении интересующей нас темы. Один из возможных аспектов исследования — типологический подход, учитывающий не только формационно-стадиальные, но и региональные особенности процесса, такие, как наличие или отсутствие у народов, переживавших стадию формирования наций, государственной независимости, социальные

⁶ Георгиев Г. Освобождение и этнокультурное развитие на българския народ 1877—1900. София: Изд. Бълг. акад. на науките, 1979, с. 45—50.

⁷ Подробнее историю вопроса см. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 95—102 сл.; Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса. — Сов. этнография, 1972, № 2, с. 80—84.

⁸ Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 98.

⁹ Бромлей Ю. В. Этнические аспекты современных национальных процессов. — История СССР, 1977, № 3, с. 19. См. также Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. Очерки теории и истории. М.: Наука, 1981.

¹⁰ Современные этнические процессы в СССР, с. 17—18.

предпосылки перехода от феодальных народностей к нациям капиталистического типа, исходные для данного этапа культурные рубежи (степень воздействия культурных традиций, уровень грамотности населения и т. п.). С этой точки зрения интерес представляет этносоциальное развитие народов Центральной и Юго-Восточной Европы, проходившее во второй половине XVIII — середине XIX в. под знаком непрерывного нарастания борьбы за национальное и социальное освобождение. Основная масса народов этого ареала была лишена независимости, а нередко и единства коренной этнической территории и входила в состав монархии Габсбургов (чехи, словаки, словенцы, хорваты, сербы, поляки, западные украинцы, восточные романцы и др.), Османской империи (южные славяне, восточные романцы, греки, албанцы), а отчасти в состав России, Пруссии и Саксонии (поляки, лужичане). При этом начальный этап становления наций у ряда народов (чехи, словаки, словенцы, болгары и др.) протекал в обстановке «неполных» социальных структур, т. е. при отсутствии «своего» (в отличие, скажем, от поляков, мадьяр или хорватов) господствующего класса, когда дворянство и возникавшая финансовая и промышленная буржуазия инонационального происхождения были далеки от национально-освободительных устремлений, а зачастую и враждебны им¹¹. В целом, фактор национального угнетения усложнял, а нередко и деформировал естественный и закономерный по своей сути процесс становления наций, вызывая со стороны угнетенных народов отпор, как правило, порождавший освободительные движения и комплекс идей, которые В. И. Ленин характеризовал как «национальную идеологию»¹². Буржуазная в своей основе, эта идеология на этапе становления наций имела объективно демократическое значение, поскольку содействовала решению антифеодальных задач и тем самым упрочению новых общественных отношений. Подчеркивая относительно прогрессивный характер национальных концепций того периода, В. И. Ленин указывал, что «нельзя было из феодализма перейти к капитализму без национальных идей»¹³.

Деятели национально-освободительных движений в Центральной и Юго-Восточной Европе выдвигали на первое место защиту национальных прав своих народов¹⁴. В основе такой позиции, отразившей буржуазные тенденции, лежали реальные экономические интересы классов и социальных групп, возглавлявших антифеодальные движения и представлявших, по определению В. И. Ленина, «различные слои *имущих* товаропроизводителей»¹⁵ (среднее дворянство в Венгрии, мелкая буржуазия в чешском, словацком и словенском движениях и т. д.). Идеинные выразители этих общественных кругов выступали за кодификацию национальных языков и закрепление их в литературе и обыденной жизни, за развитие науки, просвещения и книжного дела на родном языке, обогащение художественной литературы. В национальном движении чешского, словацкого, болгарского, сербского и ряда других народов важное место занимала также пропаганда общеславянского сознания¹⁶.

Объективно подобные акции отражали рост национального самосознания, в процесс формирования которого город и деревня внесли свой вклад.

¹¹ Освободительное движение народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1848 г. М.: Наука, 1980, с. 231—232.

¹² Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 26, с. 162.

¹³ Там же, с. 35.

¹⁴ Мыльников А. С. Культура и национальное самосознание народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху национального Возрождения. — Сов. славяноведение, 1974, № 4, с. 73—84.

¹⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 26, с. 144.

¹⁶ Освободительное движение народов Австрийской империи, с. 299—319.

Вклад деревни в генезис национального самосознания определялся уже тем, что именно в крестьянской среде наиболее прочно удерживались культурно-бытовые традиции, в которых в конечном счете объективировалось этническое самосознание народа.

О том, что практически повсеместно, хотя в большинстве случаев и стихийно, крестьянство обладало таким самосознанием, свидетельствует сохранение им, несмотря на иноземное угнетение и определенные тенденции к ассимиляции, родного языка и народных обычаев. Причем речь идет не только об их сохранении. У многих народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII—XIX вв. возникали фольклорные произведения (прежде всего песни), проникнутые патриотическими мотивами и чувством любви к родному краю, ближайшим образом ассоциировавшемуся в народном восприятии с понятием родины. Чехословацкий этнограф Й. Маркл не без основания замечал, что в чешской деревне конца XVIII — первой половины XIX в. народные песни, духовая музыка, танцы и другие формы народного творчества выполняли функции своеобразной «сельской газеты»¹⁷. Высоким художественным вкусом отличалась крестьянская обыденная и праздничная одежда, в которой выделялись, например, пльзенский, валашский, ганацкий крой и другие местные стили, закрепившие локальные особенности народной культуры Чешских земель¹⁸. Эти же черты обнаруживаются и в украшениях жилища, утвари и в других материальных компонентах культуры.

К сожалению, в более широком, сравнительно-историческом масштабе вклад народной культуры региона в генезис национального самосознания изучен пока недостаточно. Следовало бы, например, комплексно рассмотреть глубинные связи между становлением национального фольклорного репертуара и процессами консолидации наций. По интересному наблюдению Й. Маркла, основной репертуар чешского фольклора сложился к исходу первой половины XIX в., т. е. до появления классических сборников Я. Эрбена и других публикаций народных песен¹⁹. Это наблюдение представляется существенным в контексте проблематики генезиса этнического самосознания в народной среде.

Во многом сходная этническая специфика была присуща и другим компонентам народной культуры, хотя роль каждого из них и не была одинаковой. Заслуживают, например, внимания попытки болгарских этнографов связать историю народного костюма с основными этапами болгарской этнической истории. В частности, они исходят из того, что в эпоху болгарского национального Возрождения развитие шло от локального разнообразия к более широкой этнотерриториальной интеграции. М. Велева пишет: «Качественно новые виды костюма возникали тогда на почве этнического и культурного объединения народности»²⁰.

Впрочем, в этих и подобных случаях необходимо соблюдать осторожность в выводах. Нельзя не принимать во внимание случаев типологической общности, особенно в материальных компонентах культуры народов, подчас в этническом отношении далеко отстоящих друг от друга²¹.

Между фактической оценкой крестьянством своей этнической принадлежности и формами ее внешнего проявления в народной культуре имелись различия, которые вполне отвечали условиям жизни крестьян-

¹⁷ Markl J. Hudební folklór národního obrození a dechová hudba.— Český lid, 1976, № 1, s. 24.

¹⁸ См., например, Грацианская Н. Н. Этнографические группы Моравии. К истории этнического развития. М.: Наука, 1975.

¹⁹ Markl J. Společenský zpěv v zrcadle sbírky A. Schutze z r. 1837.— Český lid, 1972, № 2, s. 77.

²⁰ Велева М. За периодизацията в развитието на българските народни носий.— В кн.: Известия на етнографския институт и музей. Кн. 15. София, 1974, с. 41.

²¹ Ср. Иванова Ю. В. Северная Албания в XIX — начале XX в. М.: Наука, 1973.

ян. В отличие, скажем, от горожан, они в повседневной жизни так или иначе сохраняли привычный уклад и пользовались родным языком. Поэтому в фокусе крестьянского мышления находились не эти, а прежде всего социальные вопросы. Конечно, собственно национальные аспекты могли возникать (и действительно возникали), когда крестьянам, относившимся к коренному этносу, противостояли помещики, ассимилированные или иноэтнического происхождения (например, мадьярские или мадьяризированные феодалы в словацких деревнях, турецкие или потуреченные землевладельцы в болгарской деревне и т. п.). Однако распространенность такой этносоциальной структуры не следует преувеличивать. Так, вопреки существующему мнению, в центральных областях Чехии и крестьяне, и помещики (хотя в значительной мере и онемеченные) принадлежали к чешскому этносу. Наиболее типичным здесь было не этническое, а социальное противостояние. Снижение феодальных повинностей, вплоть до отмены барщины, протест против произвола и унижения личности крестьянина, право свободного отправления «своей» религии, которая часто, особенно у балканских народов, противостояла «чужой» религии угнетателей, — вот примерно круг основных требований социального и политического характера, выдвигавшихся крестьянством во время восстаний и бунтов XVIII — первой половины XIX в.

Иное дело, что объективно подобные требования в условиях процесса становления наций приобретали национальный характер, который в разных формах реализовывался через народную культуру. Как показал, например, Ю. И. Смирнов на основе анализа фольклора славянских, в том числе и русского, народов XVIII — первой половины XIX в., помимо собственно этнической народное сознание имело локальную, социальную и конфессиональную формы выражения²². И если сербский крестьянин на вопрос о его этнической принадлежности мог назвать себя «православным», а, скажем, чех из Моравии — «мораванином» или «ганакон», то подобные конфессиональные или локальные этнонимы не следует абсолютизировать. Здесь, конечно, порой можно усмотреть и этнопсихологические рудименты самосознания периода феодальных народностей или обнаружить элементы иерархичности этнического самосознания в его развитии. Но прежде всего за подобными самоназваниями скрывалось легко различимое, если, разумеется, подходить к этому исторически, противопоставление «мы — они», в ряде случаев отразившее своеобразие форм проявления не только этнического, но и национального самосознания в крестьянской среде. В самом деле, именую себя «православным», сербский крестьянин стихийно вставал на путь этносоциального самоопределения. С одной стороны, он тем самым отличал себя от соседних хорватов-католиков, с которыми его роднила языковая общность. С другой стороны, он противопоставлял себя иноземным угнетателям как иноверцам (турецким, австро-немецким или мадьярским феодалам, государственным институтам Турции или Австрии и т. п.). Этот случай не следует считать универсальным. В зависимости от конкретных обстоятельств, места и времени, от локальных особенностей жизни крестьян применявшиеся ими конфессиональные или локальные этнонимы могли восприниматься и истолковываться по-разному. Но в связи с приведенным примером уместно подчеркнуть, что для эпохи формирования наций это не означало простого смешения этнической и конфессиональной общностей, хотя, как известно, «в некоторых случаях сознание конфессиональной принадлежности проявляет себя с достаточной силой, а порой даже затме-

²² Смирнов Ю. И. О народном самосознании. — В кн.: Культура и общество в эпоху становления наций. М.: Наука, 1974, с. 56.

вает этническое самосознание»²³. В данном случае через конфессиональные или локальные обозначения проступали черты национального самосознания народных масс — «деревенского» индивидуального или коллективного для членов этнографических групп или для жителей отдельных местностей. Но ввиду недостаточной зрелости этносоциального развития на начальных этапах формирования наций, а также общей ограниченности культурных представлений крестьянства названный процесс не находил еще адекватной формы выражения.

В городской среде эти процессы воспринимались иначе. Характеризуя теоретические аспекты преобразования народностей добуржуазного типа в нации, Н. В. Юхнева определяет город как центр, где протекали важнейшие процессы, способствовавшие превращению народностей в нации²⁴. Вывод в значительной степени справедливый, хотя, разумеется, в конкретных этнографических и исторических исследованиях роль города нужно рассматривать специально. И если этностимулирующее воздействие городской среды в масштабе всей Центральной и Юго-Восточной Европы до сих пор изучено недостаточно, то, например, исследование этнокультурной ситуации в чешском городе XVIII — первой половины XIX в. позволяет сделать вывод о его важном вкладе в формирование национального самосознания. Национально-политические противоречия здесь оказались наиболее острыми между представителями мелкобуржуазной среды чешского и немецкого происхождения (торговцы, ремесленники, интеллигенция). Наоборот, национальное соперничество не определяло взаимоотношений рабочих разного этнического происхождения. Их совместные действия во время стачечного движения 1843—1844 гг. и в период революции 1848—1849 гг. показали, что основным удар они направляли против капиталистической эксплуатации. Об этом, в частности, со всей определенностью, ссылаясь на воспоминания К. Маркса, писал в 1893 г. Ф. Энгельс²⁵. Сказанное, впрочем, не означает, что чешские рабочие были индифферентны к национальной культуре. Интернациональные тенденции в их быте и социальной психологии сочетались с проявлением национального самосознания²⁶. Это, например, ощущалось с 1840-х годов, когда многие, особенно квалифицированные (и следовательно, грамотные) рабочие становились читателями чешских патриотических газет, журналов и книг, участвовали в сборе средств для разного рода национально-культурных начинаний²⁷. Да и в повседневной жизни рабочих семей, особенно недавно переселившихся в города (например, в Прагу, Брно), сохранялись этнические традиции, в частности в одежде, в способе приготовления пищи, во взаимоотношениях в семье. Об этом же свидетельствуют и материалы фольклора, сохранившегося и создававшегося в эти десятилетия в рабочей среде²⁸.

Конечно, и общий относительно высокий уровень капиталистической индустриализации чешских земель, и степень развития здесь городской жизни отнюдь не были типичными для большей части региона,

²³ Пучков П. И. О соотношении конфессиональной и этнической общности. — Сов. этнография, 1973, № 6, с. 62.

²⁴ Юхнева Н. В. Изучение города как этнографическая проблема. — В кн.: Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л.: Наука, 1977, с. 146.

²⁵ Novotný K. Projevy národního vědomí a mezinárodní spolupráce našeho dělnictva v první pol. XIX. st. — In: Ethnografie dělnictva. Praha, 1975, s. 3—96; Robek A. Společenský a rodinný život pražských dělníků v I pol. XIX. st. Praha, 1975.

²⁷ Novotný K. O národním vědomí dělnictva ve 40. letech 19. st. — In: Acta universitatis Carolinae. Philosophica et historica. T. 1 (Studia historica, 16). Praha: Univ. Karol., 1977, s. 7—9.

²⁸ Fojtík K. Příspěvek k poznání způsobu života dělnictva v Brně v druhé polovině XVIII. a první polovině XIX. st. — Český lid, 1953, № 5, s. 224—226.

особенно для народов восточной части Австрийской империи и балканских народов. Тем не менее и там этническая пестрота городского населения, конкуренция в торгово-ремесленной сфере и усилившиеся социально-политические противоречия приводили к обострению противоречий национальных. Это особенно характерно для таких городов, где сложная этносоциальная структура дополнялась конфессиональными различиями, нередко в основном совпадавшими с социальной стратификацией населения (например, православная славянская рая и мусульманские зажиточные слои турецкого или потуреченного населения в ряде балканских городов). В таких случаях этническая оппозиция «мы — они» проявлялась сильнее, нежели в сельской местности, обостряя уровень этнического сознания. Примечательно, что немало идеологов освободительных движений, вышедших из городской инонациональной среды, вставали на позиции защиты национально-культурных прав «чужих» угнетенных народов. Таковы, например, крупнейшие чешские национальные просветители немецкого происхождения Г. Добнер и М. А. Фойгт, сознательно причислившие себя к чешскому этносу. Не менее примечательно и демонстративное культивирование народной одежды и народных «деревенских» обычаев как среди патриотически настроенных горожан, так и среди рабочих и ремесленников — недавних выходцев из сельской местности²⁹.

Особый интерес в связи с этим представляет вопрос о взаимодействии городской и деревенской народной культуры. Известные факты позволяют утверждать, что процесс этот во многом имел обоюдный характер. С одной стороны, переселяясь в города, представители крестьянской среды приносили с собой многие элементы традиционной культуры, которые после известной модификации и переплавки, обогащали городскую культуру. Весьма показательным примером служит, в частности, Вена, где наряду с немецкоязычным населением в XIX в. жили выходцы из многих славянских земель Австрийской империи, удельный вес которых в городе был достаточно велик. Так, к началу 1870-х годов численность чешского населения Вены была едва ли не такой же, как в Праге, — около 100 тыс. чел. Только в 1857 г. 195 тыс. чехов в поисках заработка ушли в Австрию, а также в Венгрию и Хорватию³⁰. В тех случаях, когда подобные миграции происходили в пределах коренной этнической территории, они способствовали усилению национальных черт в быте расположенных здесь городов, как это прослеживается на примере Праги и Брно. Но с другой стороны, уже на рубеже XVIII—XIX вв. все более повышается обратное воздействие городской культуры на сельскую. Среди многочисленных примеров — широкое распространение в чешской деревне XIX в. духовой музыки; причем первоначальный репертуар, да и образцы инструментов, были заимствованы у профессиональных военных оркестров³¹. Весьма устойчивым было усвоение опыта городской культуры в бытовой и производственной областях. Хотя в психологии чешского крестьянства длительное время существовало отрицательное отношение к городу как к месту, где портятся и распадаются семейные связи, уже в первой половине XIX в. в деревню проникли многие атрибуты городской культуры — орудия труда и предметы домашнего обихода, обстановка, одежда, отчасти даже стиль жизни. Так, «чистые» комнаты в крестьянских домах — светлицы становятся по примеру городских мещанских квартир парадными салонами, которыми разрешалось пользоваться только по праздникам.

²⁹ Moravcová M. Oděv lidové Prahy ve 30—60 letech 19 st.— Český lid, 1977, № 3, s. 132—147.

³⁰ Будилович А. С. Несколько данных и замечаний из области общественной и экономической статистики Чехии, Моравии и Австрийской Силезии за последние годы.— В кн.: Славянский сборник. Т. I. СПб., 1875, с. 212—213.

³¹ Markl J. Hudební folklór narodního obrození, s. 23.

Во многом сходные тенденции в той или иной степени прослеживаются и у других народов ареала. Они вполне соответствуют наблюдениям М. Г. Рабиновича, изучавшего русскую городскую и крестьянскую среду, а равно его выводу, что подобный постоянный обмен вел к «созданию единой народной культуры»³².

В обстановке борьбы против национального угнетения патристически настроенные горожане подчеркивали «исконный», «деревенский» характер своей культуры, тем самым противопоставляя себя инонациональной или ассимилированной городской верхушке. Крестьяне же, усваивая опыт городской культуры, включали его в контекст своих культурных традиций. То и другое содействовало росту национального самосознания. При этом деревня создавала благоприятные предпосылки для сохранения и дальнейшего развития этнического самосознания, а город, ускоряя этот процесс, как бы «упорядочивал» переход его на стадию национального самосознания, превращаясь в центр, вокруг которого консолидировалась национально-культурная жизнь прилегающей территории. Поэтому, например, отсутствие в Словакии эпохи национального Возрождения единого городского центра тормозило концентрацию национальных сил и тем самым усложняло и замедляло формирование словацкой нации³³.

* * *

Сохранение и развитие этнического характера отечественной культуры не только крестьянством, но и непривилегированными слоями города, стало решающим фактором, обусловившим самую возможность появления и последующей успешной теоретической и организационной деятельности идеологов тех социальных сил, которые стояли во главе общественного прогресса эпохи формирования наций. У народов, борющихся против иноземного угнетения, это были ученые, писатели и другие общественно-культурные деятели, выступавшие в роли идейных выразителей или руководителей соответствующих освободительных движений. Напомним о двух важнейших и весьма типичных аспектах научного и художественного творчества периода формирования наций у славянских и ряда других народов: обращение к изучению этнической истории, быта и обычаев своих народов (вполне закономерным, например, было становление именно в этот период славянской этнографии³⁴) и в связи с этим усиленная работа по собиранию, изучению и осмыслению фольклора и его освоению в других видах культуры. Одной из популярных форм пропаганды народной культуры среди городского населения в 30—40-х годах XIX в. было устройство фольклорных «балов» и фестивалей у чехов, мадьяр, лужичан и некоторых других народов. О фольклоризме как важном факторе развития национального самосознания эпохи формирования славянских наций справедливо писал В. Е. Гусев, выделяющий два компонента — бытовой и идеологический³⁵. Последний имеет в интересующем нас случае особое значение. Он прежде всего свидетельствует, что в общественной психологии той эпохи народная культура воспринималась как крестьянская. Это не только вполне соответствовало господствовавшему в сфере идеоло-

³² Рабинович М. Г. Указ. раб., с. 22—23.

³³ Месарош Я., Матула В. Развитие национального движения, лишенного единого городского центра, на примере Словакии. Bratislava: vyd. Slov. akad. ved, 1972.

³⁴ Токарев С. А. Начальный период славянской этнографии. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973, с. 237—249.

³⁵ Гусев В. Е. Фольклоризм как фактор становления национальных культур славянских народов. — В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1977, с. 82—83.

гии романтическому видению мира, но и отражало позиции ведущих деятелей национальных движений, считавших крестьянство главной движущей силой национального развития. Об этом, например, неоднократно писали видный представитель чешской культуры первой половины XIX в. Й. Юнгман, известный венгерский мыслитель и литератор того же времени Д. Бешенееи и другие участники национальных движений народов Центральной и Юго-Восточной Европы конца XVIII — середины XIX в. Многие издававшиеся фольклорные тексты перерабатывались ими, дополнялись и редактировались, отражая идейные позиции авторов таких публикаций. Это, в частности, приводило к тесному переплетению народного и профессионального литературного творчества, когда в разряд народных вошло немало произведений, созданных писателями-профессионалами³⁶. И это характерно не только для рассматриваемого ареала, но и для других народов, переживавших типологически сходный этап развития³⁷.

Однако успех при этом детерминировался в конечном счете внутренними закономерностями этносоциального развития. До сих пор, к сожалению, чрезвычайно мало внимания обращалось на сопоставление исходных программных требований, выдвигавшихся идеологами общественных движений, с их реальным усвоением на практике. Так, в начале XIX в. Юнгман выдвинул идею создания единого славянского литературного языка. Этот лозунг время от времени гальванизировался до середины XIX в., хотя, как известно, чешское этнолингвистическое развитие пошло, да и не могло не пойти, в совершенно ином направлении — в направлении выработки национального литературного языка, причем значительный вклад в этот процесс был внесен самим Юнгманом. Столь же бесперспективными оказались и попытки Яна Коллара ограничить состав «единого славянского народа» лишь четырьмя «племенами». Эти примеры показывают, что содержание программных лозунгов национальных движений корректировалось реальными процессами этносоциального развития.

* * *

Историческая миссия национальных идеологов, следовательно, заключалась не в «создании» национального самосознания, а в том, что, выражая исторический процесс в идеологических формах, они перерабатывали идеи и формы народной культуры, придавая им структурную и классовую направленность. Иными словами, они вносили национальное сознание в широкие народные массы, в первую очередь в среду крестьянства «как наиболее многочисленного и наиболее „тяжелого на подъем“ слоя населения в связи с борьбой за политическую свободу вообще и за права национальности в частности»³⁸.

Таким образом, национальное самосознание развивалось не «сверху вниз», от социальных «верхов» к социальным «низам», а как раз наоборот, из недр народной культуры. Что же касается идеологов, то они, основываясь на этом объективном процессе, обобщали и осмысливали национальное сознание и тем оказывали воздействие на народную культуру. Мера этого воздействия зависела от того, насколько усилия идеологов общественного развития отвечали условиям перехода от фео-

³⁶ Шрамкова М. К вопросу о взаимоотношении чешской фольклорной прозы и литературы. — Сов. этнография, 1978, № 4, с. 119—122.

³⁷ Чистов К. В. Этнические аспекты славянской фольклористики. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 374.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 264.

дализма к капитализму и конкретной расстановке классовых сил в той или иной стране.

В результате в рамках народной культуры совершалась своего рода «материализация» национального самосознания, переходившего от локальных к суперлокальным способам реализации. Предшествовавшие формы этнического самосознания, отразившиеся в народной культуре, видоизменялись, все более впитывая в себя и объективируя социальные структуры формировавшихся наций, образуя сложную иерархическую систему, вершину которой составляло общенациональное самосознание. В этих процессах народная культура играла важную этностимулирующую роль.

PEOPLE'S CULTURE AND THE RISE OF NATIONAL SELF-AWARENESS

The author raises the question of the role played by a people's culture in the rise and evolution of their ethnic-national self-awareness, this being the most important process in the forming of a nation. Having briefly defined the content of the phenomena under examination A. S. Mylnikov, basing his study on the theoretical-conceptual principles underlying contemporary Soviet ethnography, scrutinizes the nature of the process by which national self-awareness is engendered, its trends and forms — as exemplified by the ethnic-cultural development of the peoples of Central and South-Eastern Europe in the period of their transition from feudalism to capitalism. It is shown that national self-awareness arose spontaneously both in rural and in urban environment, and became expressed in people's culture. National liberation movement ideologists, while critically analysing these processes and summarizing them, imparted to them a certain structure and a class trend. In all this people's culture played an important ethnostimulating role.